

35. King, L. A. Death, life, scarcity, and value : An alternative perspective on the meaning of death / L. A. King, J. A. Hicks, J. Abdelkhalik // Psychological Science. — 2009. — Vol. 20, № 12. — P. 1459—1462.
36. Längle A. Sinn-Glaube oder Sinn-Gespur? Zur Differenzierung von ontologischem und existentielltem Sinn in der Logotherapie / A. Längle // Bulletin der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse. — 1994. — Jg 11, № 2. — S. 15—20.
37. Leontiev, D. Personal meaning: a challenge for psychology / D. Leontiev // The Journal of Positive Psychology. — 2013. — Vol. 8, № 6. — P. 459—470.
38. Reker, G. T. Aging as an individual process: toward a theory of personal meaning / G. T. Reker, P. T. P. Wong // Emergent theories of aging / ed. by J. E. Birren, V. L. Bengtson. — N. Y., 1988. — P. 214—246.
39. Schnell, T. The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe) : Relations to demographics and well-being / T. Schnell // J. of Positive Psychology. — 2009. — Vol. 4, № 6. — P. 483—499.
40. The Meaning in Life Questionnaire : Assessing the presence of and search for meaning in life / M. F. Steger [et al.] // J. of Counseling Psychology. — 2006. — Vol. 53. — P. 80—93.
41. Vohs, K. D. The psychological consequences of money / K. D. Vohs, N. L. Mead, M. R. Goode // Science. — 2006. — Vol. 314. — P. 1154—1156.

А. А. Пелипенко

Психическое преддверие смысла

Статья посвящена проблеме генезиса смысла как психофизиологического и культурогенетического феномена. В русле теоретико-культурного дискурса рассматриваются когнитивные режимы начальных стадий смыслообразования, связанных с психическими последствиями родовой травмы, разрывами универсальной эмпатической связи и образованием сбоев и задержек в потоке психической активности. Под этим углом зрения анализируется феномен эйдетики и режимы межполушарной функциональной асимметрии мозга. Главная проблема — смысл как форма перехода между нейрофизиологическим, психическим и культурным уровнями реальности.

Ключевые слова: дискретность, континуальность, смысл, сознание, интенциональность, когеренция, каузальность, психика, эволюция.

Концепт смысла является центральным в смыслогенетической теории, и изложить его в объеме небольшой статьи невозможно. Нижеследующие соображения не более чем предварительные заметки к построению теоретико-культурной модели смысла.

Исходный постулат смыслогенетической теории таков: **коренное отличие человека от животного составляет способность к порождению и продуцированию смыслов.** Но что же в таком случае есть смысл? Общее определение таково: **смысл есть дискретное психическое состояние, выраженное в кодах и транслируемое в сферу социальной коммуникации.** В контексте представлений об интенциональности **смысл — дискретный импульс особого рода интенциональности, испускаемый (продуцируемый) человеческим сознанием.**

Именно *смысловой природой интенциональность человеческого сознания отличается от всех прочих видов интенциональности как в живой, так и в неживой природе.* Психически феномен смысла задается особым режимом право- и левополушарного взаимодействия, что и является генерализующей причиной возможности для мозга воздействовать на квантовые процессы: осуществлять декогеренцию и рекогеренцию квантовых суперпозиций и участвовать в формировании «объективной реальности» на уровне макропроцессов.

Прежде всего, поясню, что имеется в виду под *дискретностью*. Поток психической активности животного *непрерывен*, и поэтому он не только параллелен нераздельно-текущему континууму реальности, а просто неотделим от него, чем и обуславливается не-выделение животным себя из окружающего мира. Как бы ни усложнялись сами по себе поведенческие программы, какие бы конфликты ни возникали между приобретенными в онтогенезе формами поведения и их инстинктивным базисом, определенный природой

уровень и характер связанности животной психики с универсумом сохраняется. Впрочем, у высших млекопитающих психические и поведенческие сбои все же ситуативно возникают, но неизменно «лечатся» с помощью либо ритуальных действий, либо корректирующих актов индивидуального поведения, восстанавливающих исходную «правильность». Чем сложнее организована нейродинамическая сфера животного и чем выше психическая автономность отдельной особи, тем чаще возникают ситуации «неправильного», неадаптивного поведения, выходящего за рамки видовых автоматизмов. Усложнение ритуальных форм поведения у высших млекопитающих — свидетельство возрастания сбоев в инстинктивном поведении и латентного конфликта между ним и онтогенетической «надстройкой». Проявления этой конфликтности в виде неадаптивного поведения у отдельных особей нивелируются коллективными ритуальными действиями.

Причина сбоев может заключаться и в неадекватном срабатывании самих инстинктивных программ. Этология накопила большой материал об аномальном поведении животных — отклонениях от наиболее эффективных для данной особи способах действия. К ним относятся, например, случаи поедания собственного потомства, неадекватная агрессивность, вскармливание чужого потомства, «ухаживание» за представителями другого вида и т. п. Особое значение приобретает способность (или неспособность) особи отклоняться от инстинктивной предзаданности, что можно расценить как признак индивидуального поведения. Тенденция к такому поведению закрепляется эволюционно. Давно установлено, что по мере продвижения по эволюционной лестнице врожденный набор автоматизмов из-за его нарастающей сложности (и не только поэтому) ослабляет свою регулируемую хватку. Например, строгая стереотипность брачной церемонии, выраженная у рыб, птиц и многих млекопитающих, заметно редуцируется у высших обезьян, у которых все большее значение приобретают индивидуальные модификации поведения¹. Таким образом, по мере усложнения психической организации система инстинктивного поведения неуклонно расшатывается. Но чтобы совершить эволюционный прорыв от доминанты генетически обусловленных инстинктов через возрастание роли онтогенетических навыков к поведению и деятельности на основе доминанты *актов сознания*, требовался *весь комплекс морфофизиологических и психических трансформаций, которые в совокупности и составляют антропогенез*. При этом главная интрига прорыва состоит в загадке генезиса самого сознания.

Антропогенетические трансформации состояли не только в приобретении новых, «неправильных» «с точки зрения» горизонтального вектора развития свойств, но и в отмирании тех животных свойств, которые мешали переходу в новое системное качество. Более всего это относится к тем органам и системам организма, функции которых непосредственно обеспечивали когнитивные процессы и формы поведения. Поскольку сопряжение процессов отмирания и формирования вряд ли могло быть мягким и щадящим, кризисные моменты такого сопряжения определяют и маркируют межвидовые границы гоминид — границы возможных эволюционных изменений в рамках того или иного вида как относительно *устойчивого переходного состояния*. Сама же направленность этих процессов шаг за шагом «выдавливала» предков человека из царства природы. Но куда?

¹ Вопросы ритуального поведения у животных основательно исследованы К. Лоренцом и его школой.

Всеобщая эмпатическая связь и родовая травма

Роль родовой травмы в культурогенезе обычно связывают с тем, что в силу «преждевременности» рождения у ребенка возникает потребность в дополнительном *символическом импринте*; приходится специально его доучивать, восполняя отсутствующие врожденные программы. Иногда из этого обстоятельства даже выводится генезис культуры вообще. Рождение культуры, однако, процесс *комплексный, многоаспектный*, несводимый к одному сколь угодно важному частному фактору, а роль родовой травмы в культурогенезе намного глубже и сложнее. Саму проблему родовой травмы никак нельзя назвать новой: она неоднократно обсуждалась разными авторами от О. Ранка до С. Грофа и Ж. Лакана, но интерпретировалась главным образом в психоаналитическом ключе. Между тем теоретико-культурное ее значение остается недостаточно выявленным.

«Диссидент» фрейдовского психоанализа О. Ранк [17] был, пожалуй, первым, кто всерьез обратился к этой проблеме и даже построил на ее основе собственную психоаналитическую методику и клиническую практику. Но так как его метод психотерапии не получил достаточного признания и не имел широкого круга последователей, то и сама эта тема оказалась в тени.

В трансперсональной психологии С. Грофа [2] феномен родовой травмы служит отправным пунктом построения концепции базовых перинатальных матриц (БПМ). Оставляя в стороне неоднозначность результатов, полученных в ходе сеансов ЛСД-терапии, а также опуская критику многочисленных натяжек и подгонок в интерпретации образности, связанной с пребыванием в той или иной матрице, отметим, что именно Гроф впервые показал не только психоаналитическое, но и *экзистенциальное* значение родовой травмы. И хотя само выстраивание четырех БПМ в строгой последовательности представляется весьма проблематичным как в логико-методологическом, так и в экспериментальном аспекте, трансперсональный метод Грофа наглядно выявил по крайней мере два важнейших момента. Первый: безусловное подтверждение *существования филогенетической и эволюционной памяти и возможность экспликации и исследования ее содержания*¹. Второй: фундаментальное значение родовой травмы как фактора, определяющего первичный импульс генезиса сознания.

Грофовские интерпретации пренатальных и перинатальных переживаний в виде мифологической или религиозной образности отчасти сродни искушению биологизаторов описать поведение животных в человеческих понятиях и образах, а затем «обратным ходом» вменить животным «очеловеченные» мотивировки, а людям — «анимализованное» поведение. Особенно это касается БПМ II — интерпретации схваток в закрытой маточной системе как антагонизма с матерью (корреляты такой интерпретации есть также у О. Ранка, Дж. Кэмпбелла и Э. Нойманна) и БПМ III — интерпретации синергизма с матерью, т. е. проталкивания через родовой канал в образах оргиастических культов и кровавых жертвоприношений. В любом случае, независимо от характеристик и интерпретаций этих матриц, для проблемы перехода от

¹ При всей справедливости упреков в адрес трансперсональных методик С. Грофа факт остается фактом: нервный импульс оказывается не единственным возможным способом формирования памяти. В соответствии с представлениями традиционной нейрофизиологии, запоминание возможно только после миелинизации нервных волокон, которая у новорожденного еще не завершена. Однако, как достаточно убедительно показали опыты Грофа, человек вполне способен запоминать не только эпизоды из жизни плода и эмбриона, но и фрагменты своей филогенетической «предыстории», вплоть до весьма далеких биологических предков.

природного психизма к сознанию наиболее важны два состояния: собственно пренатальное (в терминах Грофа, БПМ I — первоначальное единство с матерью до начала родов, переживаемое как высшее блаженство, «океанический экстаз» по Э. Нойманну и т. п.) и постродовое (по Грофу БПМ IV, образная интерпретация которой в отличие, к примеру, от более изящных построений Э. Нойманна, противоречива и, прямо скажем, невнятна).

В данном контексте, однако, важен не столько комплекс психоаналитических смыслов и их образных корреляций, сколько само *экзистенциальное* состояние психики, носитель которой оказался в ситуации выброса из внутриутробного состояния во внешний мир. Поэтому психоаналитические характеристики переходных состояний, столь важные для Грофа, для нас особого значения не имеют, а переход из пренатального в постродовое состояние рассматривается исключительно в ракурсе вышеозначенного перехода от синкретического психизма к отпавшему и приобретающему все большую автономность *сознанию*. Эта проблема Грофом на передний план вообще никогда не выдвигалась. Попытка построить теорию происхождения сознания как экспликации пренатальных комплексов (с упором на комплекс уробороса) предпринималась последовательным юнгианцем Э. Нойманном [6]. Несмотря на свои блестящие и по достоинству не оцененные интуиции и догадки, он не сумел преодолеть ограниченность, натяжки и аберрации психоаналитического дискурса.

Значение постродового состояния (соотносимого с грофовской БПМ IV) отразилось и в рассуждениях Ж. Лакана (см.: [14; 15]). Говоря о «зеркальной стадии» развития сознания, Лакан указывает на то, что в силу «преждевременности рождения», выраженной в недоформированности нервной системы младенца, отсутствии моторной координации и некоторых других факторах, ребенок является не столько автономным организмом, сколько полуавтономной частью материнского тела. Соответственно, будучи не способным укрыться под «сенью инстинкта», ребенок вынужден строить отношения с окружающим миром искусственным образом, т. е. посредством культуры. Преодоление «фрагментарного тела», т. е. выделение себя из окружающей среды, ориентация и перемещение в пространстве, по Лакану, достигаются ребенком посредством апперцепции своего зеркального образа. Ребенок ассимилирует свою форму или гештальт на расстоянии, помещая хаотический внутренний опыт в оболочку зрительного образа. На фоне естественно-научных данных «зеркальная» концепция Лакана, при всем ее изяществе, предстает весьма надуманной, к тому же, мягко говоря, не вполне самостоятельной. Впрочем, философский дискурс удобен тем, что позволяет легко выдать любое недоказуемое положение за «невинную» теоретическую метафору. Однако сама идея не до конца разорванного единства новорожденного с материнским телом и понимание пребывания в утробе как опыта органической полноты (в терминах Лакана «реальное») связывает концепцию родовой травмы с философскими интуициями гегелево-фрейд-хайдеггеровской линии, где травма полагается как некий неизбывный опыт «экзистенциальной негативности» и служит *основополагающим антропологическим началом*.

Родовая травма у человека имеет два этапа: собственно выход из утробы и окончательный отрыв от матери, проходящий, в свою очередь, несколько стадий. И хотя некоторые авторы, например тот же Ж. Лакан, отмечают значение экзистенциально переживаемого ребенком единства с материнским организмом уже после рождения, эта вторая ступень родовой травмы часто недооценивается. На медицинском уровне реакция на разделение с матерью

описана в виде ясной симптоматики: беспокойства, проявляемого в форме голосовых сигналов, поисковой активности, тревоги, отчаяния, затем спада активности, беспомощности, отсутствия аппетита, бессонницы, снижения реакций, упадка сил (см.: [16. Р. 1903—1909]).

Весьма важно, что этот не свойственным животным стресс (который на самом деле есть нечто гораздо большее, чем просто стресс) лечится путем установления круга вторичных экзистенциальных связей — социальных, компенсирующих утрату единства с матерью. Эта терапевтическая функция социализации ясно выражена и в древнейших коллективных практиках — ритуальных¹.

Вполне возможно, что описанное Фрейдом экзистенциально-психологическое единство с матерью, которое уже в зрелом возрасте вступает в конфликт с вовлечением человека во «взрослые» социальные роли и программы поведения, тоже не последний уровень связи. То есть органическая по природе своей связанность с матерью сохраняется на протяжении всего (или почти всего) жизненного цикла, хотя и может уходить в тень, подавленная социальными компенсациями. В ослабленном виде аналогичный тип связанности *охватывает всех людей вообще* и проявляется в экзистенциально-психологической синхронизации биологических ритмов, находящихся «под грузом социального» [13. Р. 183—197]. И хотя в наиболее явном виде такая синхронизация прослеживается в отношениях «мать — ребенок», универсальность ее можно считать установленной (см.: [12. Р. 415—454]).

Итак, в силу комплекса эволюционно-морфологических изменений родовая травма стала точкой разрыва связанности с природой и фактором выпадения человека из последней. Напомню, что «преждевременность» рождения не только количественно усиливает шок экзистенциального отчуждения при выходе из утробы, но и качественно меняет все психические режимы. Ребенок не просто вынужден дольше «доучиваться» по сравнению с детенышами животных — тенденция к угасанию роли биоимпринтов достигает принципиально иного уровня, что кардинально меняет всю психическую конституцию. Это уже не просто корректировка инстинктов или выработка частично подавляющих их условно-рефлекторных программ. Теперь задачу гармонизации отношений с окружающим миром можно решить лишь вторичным образом — посредством развивающейся активности сознания и социокультурных практик. Родовая травма, таким образом, создает *взаимосвязанный набор условий смыслогенеза*, главные из которых заключаются в следующем.

Шок экзистенциального отчуждения накладывает неизгладимый отпечаток на всю последующую активность бессознательного, задавая подспудные мотивации возвращения в непротиворечиво-континуальное состояние². Растянность периода детства и сама частичная «невооруженность» новорожденного готовыми инстинктивными программами выбивают его из биоритмически организованного существования и понуждают искать путь назад, в гармонизованное и укорененное состояние, соответствующее пренатальному.

¹ «В ходе недавних исследований в психологической антропологии ученые пришли к выводу о том, что огромное большинство ритуальных церемоний связаны, прежде всего, с общетерапевтическим эффектом, так как они влияют на комфортность бытия, усиливают идентичность и повышают сплоченность общности» [8. С. 502].

² Разумеется, нет оснований слишком идеализировать внутриутробное состояние, полагая, что пребывание в нем связано лишь с непрерывным и незамутненным блаженством. Процессы, протекающие в материнском организме, безусловно, оказывают на психическое состояние плода самое разнообразное, подчас и весьма негативное, и травматическое воздействие, в той или иной мере нарушая «эйфорию» нераздельного существования. Но все эти негативные воздействия лишь слабый отзвук того, что предстоит испытать ребенку после рождения.

При этом указанная растянутость способствует смягчению перехода к дискретному функционированию психики. Однако прямой путь назад, в силу необратимости эволюционных изменений, невозможен, и частичная гармонизация (полная оказывается утраченной навсегда) достижима только через инкультурацию. *Иными словами, масштаб экзистенциального отрыва от природы, задаваемого родовой травмой, обрекает человека стихийно переориентироваться на внегенетические способы передачи опыта, т. е. выстраивать вокруг себя пространство культуры.*

Если к открытому Геккелем закону единства онто- и филогенеза добавить еще и культурогенез (а для этого есть все основания), то можно сказать, что глубинная память отдельного человеческого субъекта о непротиворечиво-гармоничном внутриутробном состоянии — типологический аналог коллективной памяти человечества о докультурном, природном прошлом. Современные эмбриологические исследования психических процессов плода в утробе наводят на отчетливые аналогии с докультурным состоянием. Психическая жизнь в утробе оказывается намного сложнее, чем представлялось ранее. Усложнение реакций, зачатки сознательного поведения и даже некоторые сбои в цикличности витальных процессов — все это в немалой степени указывает на приближение к рубежу культурогенеза. Но переход этого рубежа осуществляется лишь вследствие рождения и последующей инкультурации.

Эпигенетическая память служит мощнейшим магнитом, подспудно фокусирующим широчайший спектр психических по основаниям, но уже культурно оформленных мотиваций, устремленных к возврату в непротиворечиво-континуальное состояние. Состояние это смутно мерцает в глубинах экзистенциальной памяти (как филогенетической, так и онтогенетической) как некоего априорного идеала существования — наилучшего состояния из всех возможных.

Таким образом, родовая травма, с одной стороны, служит фактором неизбежной «ностальгии» по счастливому синкретизму существования и, с другой — выступает одним из главных обстоятельств комплексного изменения психических режимов. Изменения эти, в свою очередь, связаны с важнейшим эволюционным событием — частичным выпадением из природного континуума и *началом перевода всеобщей эмпатической связи (ВЭС) в новую системную модальность. Становление же новых психических режимов связано с ритмическими сбоями и задержками в функционировании предкультурной когнитивности гоминид.*

Сбои и разрывы. Особое значение для понимания генезиса и структуры смысла имеет *межполушарная функциональная асимметрия мозга (МФА)*. Вообще, культурогенетическое значение МФА огромно, но сейчас остановлюсь предельно кратко лишь на одном моменте. Схематизируя, можно сказать, что выпадение предчеловеческой психики из животного состояния на пути к формированию культурного сознания происходит в три шага. **Первый** — разбалансировка правополушарных психических функций, связанных с восприятием и обработкой целостных «гештальтов» в соответствии с видовым генокодом. В результате их разбалансировки в психике стали образовываться сбои и задержки — состояния, когда ни одна из инстинктивных программ не «ведет» психику, не определяет ее поведения. А эмпирические корреляты «реалий» когерентного мира стали отрываться от своих имплицативных матриц-праобразов и превращаться в своего рода «вещи в себе» — экзистенциально отчужденные и неосвоенные феномены.

Последние вызывают не только «романтическое» удивление, о котором иногда пишут, пытаясь охарактеризовать отношение раннего сознания к неосвоенному миру. Уместнее говорить о жесточайшей фрустрации с богатым симптоматическим набором — от перманентного диффузного страха, экзистенциальной прострации и чувства незащищенности до широкого комплекса эндокринных, сенсорных, секреторных, тонических и иных дисфункций, составляющих один из сегментов патогенного содержания эволюционной болезни. Но главный итог означенной разбалансировки, поднимающий этот процесс на *уровень общеэволюционной значимости*, — *выталкивание предчеловеческой психики из природной сети когерентных связей*, где любые флуктуационные колебания, напряжения и возмущения не разрывают холонной оболочки когерентного и каузального миров и не эксплицируют проявлений психофизического дуализма.

Частичная утрата по-природному прямых и непосредственных связей с имплицативным миром (ИМ)¹ (точнее, с его психосферными проекциями/экспликациями) вынудила психику, а именно правое полушарие, в стихийно-бессознательном режиме искать способы самонастройки, призванные заново наладить *медиативные функции*. Иными словами, еще не искусственным, но уже и не вполне естественным образом перекинуть мост между мирами, заделать опасную и травматическую брешь между спонтанно мерцающими в психике паттернами когерентных связей и фрагментарно отпадающими от них эмпирическими коррелятами. Собственно, и сам феномен такой корреляции обязан своим появлением именно этому отпадению и стремлению психики его преодолеть.

Первым актом психической самонастройки в направлении медиации между «расколотыми мирами» и, соответственно, **вторым** шагом, ведущим к выпадению из континуума животного психизма, стала *выработка правым полушарием механизма эйдетической памяти*. Не будь этот механизм действенным на протяжении сотен тысяч (или даже миллионов) лет в раннем культурогенезе, то вряд ли он столь прочно закрепился бы на онтогенетическом уровне, став универсальной стадией развития детской психики. О глубоких корнях «эйдетического» режима медиации свидетельствуют и его многочисленные «метастазы» в поздних ментальных структурах и психологических стереотипах (бессознательная, а также, впрочем, и осознанная ориентация на образец, самопричинное стремление к предельно точному его воспроизведению, ставшее одним из оснований традиционализма, и т. п.). Помимо этих многократно опосредованных и превращенных форм эйдетизма эпизодически дают о себе знать и его прямые отблески-проявления в психике современного взрослого человека.

В эйдетической памяти нет ничего от обычного припоминания с его обобщающими и классифицирующими процедурами. Мысля по-детски точно, эйдетик не группирует элементы картины в соответствии с образцами и правилами культурного опыта, а в точности воспроизводит в памяти энграмму, оставленную образом, восходящим не только и, быть может, даже не столько к впечатлениям наличной реальности, сколько к психосферным образам-проекциям из мира свернутого порядка. Косвенно это можно обосновать тем, что для эйдетика зрительная картина никогда не сводится к чистой визуальности. Она всего лишь маркирует целостный комплекс впечатлений/переживаний, своего рода «гештальт», где фотографически схваченная

¹ Термин введен автором для определения «соединительной ткани» между миром эмпирическим и трансцендентным, тонким, запредельным.

визуальность выступает не более чем скрепляющей упаковкой, организующим контуром. Эйдетический образ не конструируется мышлением. Он просто фиксируется в психике как целостная и относительно устойчивая энграмма — результат ситуативной встречи психики с *другим*. И образ этого *другого* оформляется в виде его слепка, снятого визуальным и довербальным правополушарным мышлением.

Эйдетическая память — это, прежде всего, способность воспринимать предмет в его отсутствие, т. е. возможность удерживать в себе его интенционально-онтологический шлейф¹. Эйдетическая память — атавистическая для современного взрослого человека форма рецепции и перевода опыта медиации (в описанном выше смысле) в сферу раннего, довербального сознания. Поэтому феномен эйдетической памяти наиболее явственно проявляется именно у детей (см.: [1. С. 186]).

И наконец, **третий шаг** — образование соответственно третьего когнитивного модуля, в котором протекает вся дальнейшая эволюция ментальности — широкомасштабное включение левополушарных когнитивных техник и переход к «полноценному» **смыслообразованию**. Подключение левого полушария постепенно происходило на всем протяжении антропогенеза и раннего культурогенеза. Основанием для пробуждения левополушарных функций были: 1) недостаточность эйдетических когнитивных репертуаров для осуществления полноценной медиации; 2) вызванная этим глубокая фрустрация психики, испытывающей разбалансировку правополушарных режимов; 3) бессознательный «запрос» на развитие левополушарных когнитивных функций и технологий.

При этом между вторым и третьим когнитивными модулями пролегает эволюционная граница, структурно-типологический барьер².

Что же происходит в результате постепенного включения левого полушария? Психические режимы коренным образом меняются. Левополушарные когнитивные техники связывают диссоциированные компоненты разбалансированных правополушарных перцепций, «вводя в обращение» специальный *феномен-медиатор*, по своей природе родственной *знаку*; теперь счастливая природная нераздельность переживаемой психики и «оно само» становятся принципиально недостижимым идеалом (у гоминид эти процессы протекают неосознанно). В отличие от знаковых комплексов животных, служащих наборами информационных сигналов по поводу инстинктивных или условно рефлекторных программ поведения, феномен-медиатор возникает как инструмент вторичного установления однажды распавшейся связи в очаге поражения (разбалансировки) природных психических настроек. Подменяя собой по-природному прямое считывание гештальта, а также вытесняя и его эйдетическое энграммирование, феномен-медиатор репрезентирует его (гештальт) в новом, опосредованном виде. Опосредование же связано с тем, что, будучи результатом сцепки, взаимодействия, ситуационного синтеза право- и левополушарных когнитивных паттернов, феномен-медиатор «переводит» гештальт, схватывающий «оно само», невыразимый комплекс переживаний (самотождественную таковость), в плоскость ментальных репрезентаций. Причем в силу симметрично-асимметричной диалектики фено-

¹ Не случайно психофизиологической основой эйдетической памяти является остаточное возбуждение зрительного анализатора (см.: [5. С. 192]).

² Наличие этого барьера отмечал и Н. Хомский, с которым вполне можно согласиться в том, что допустить плавное эволюционное развитие довербальной (эйдетической) когнитивности в дискурсивное «не больше оснований, чем допустить эволюционное развитие от дыхания к ходьбе» [10. С. 86].

мена-медиатора природа его оказывается внутренне подвижной, динамичной, бесконечно становящейся. Боюсь, что на прямой вопрос, что такое феномен-медиатор и как его можно представить, вообще невозможно дать ясный ответ. Иными словами, если животная психика, при всей сложности своего знакового поведения, считывает лишь те гештальты, которые санкционированы генетически закрепленным видовым кодом, то разбалансированная психика предчеловека, нащупывая вторичную связь с этими гештальтами и забыв, как их следует «правильно» читать, опосредует перцепты с помощью феномена-медиатора. Преобразуясь в синтезе право- и левополушарных психических фильтров, исходные гештальты «распускаются» на почти бесконечное множество потенциальных семантических проекций (вариаций).

Иными словами, «свернутая» абстрактная потенциальность конвертируется в бесконечность **семантических значений, актуализуемых в человеческой ментальности**. В этом, при всех внешних сходствах человеческого языка с языками животных, их принципиальнейшее различие: **язык животных не знает многозначности**. Именно со стадии первичного формирования семантических репрезентаций, точнее, психического конструирования семантического инобытия потенциального полиморфизма ИМ можно начинать отсчет жизни новой системы — культуры и ее носителя — человеческой ментальности.

При этом не следует связывать означенный процесс исключительно с развитием вербального языка, который, скорее всего, с *верхнего палеолита стал главным*, но далеко не единственным языком культуры. Будучи проводником разворачивания левополушарной когнитивности, вербальный язык выдвинулся на доминирующие позиции не случайно. Но на протяжении всего раннего культурогенеза он испытывал конкуренцию со стороны других языковых систем, часто превосходивших его в точности прямых репрезентаций исходного гештальта и в большей степени несших его живые «эманации». Таковым языком был, к примеру, *язык ритуальной пантомимы или язык изображений*. Однако вербальный, в конце концов, выиграл в главном — в комбинаторных способностях, которые всегда определяют потенциал развития всякой конфигурации. Слово — последняя неделимая операбельная единица конструирования, позволяющая, не копируя гештальт напрямую, аналитически «развинчивать» его, а затем снова «свинчивать» в разнообразнейших семантических комбинациях и смысловых модусах. *Титаническая борьба довербально-традиционных технологий ментальности с вербальными, пройдя бесчисленное количество паллиативных решений, завершилась в целом победой принципа семантической комбинаторики. Но это отдельный вопрос.*

В связи со сказанным необходимо еще раз отметить значение левополушарных когнитивных техник. Вспомним, что в биопсихике активизация левополушарных функций и закрепление их на видовом уровне происходит тогда, *когда возникает необходимость в выработке знаковых или протознаковых репрезентаций, замещающих некое «оно само» в коммуникационной ситуации*. Но в становящейся ментальности человека левополушарные функции совершают в своем развитии радикальный прорыв. Они не только привязывают размытые параметры данного в правополушарной перцепции гештальта к неким определенным пространственно-временным координатам, но и переводят его в каузальную модальность, конвертируют его непосредственную (или минимально опосредованную) форму в **набор семантических возможностей/модальностей**. И уже из них сознательно или бессознательно выбирается и актуализуется тот или иной вариант. Иначе говоря, ясная и безальтернативная данность сменяется вариативным набором вероятностей, полагаемых по принципу «если — то...».

Таким образом, в левом полушарии разбалансированный, хаотически сегментированный и утративший целостность гештальт собирается в новой конфигурации — как «распластанный» во времени ментальный конструкт. Но общая конфигурация теперь состоит из разнесенных во времени компонентов, цепи асинхронных незавершенных состояний, где исходная целостность оказывается разъятой на первичный импульс, актуальное переживание — действие и его условное завершение, которые связаны между собой необратимым вектором времени и вариативными каузальными зависимостями. *Время*, вклиниваясь в зазоры разъятого в психике гештальта, делает его завершение в когнитивной репрезентации потенциально вариативным. Альтернативы эти по своей природе не флуктуационные и не предопределены заранее биокодом, как в природе. Они простираются в становящемся мире семантики, в смысловом поле человеческой ментальности. Потому ни один гештальт не завершается окончательно: смысловые позиции не знают полного оконечивания, как бы ментальность ни убеждала себя в обратном. Причем ни один гештальт (в перцептивном смысле соотносимый с *пра-феноменом* (см. ниже)) не бывает исчерпанным в своих семантических потенциях до конца, до абсолютного завершения.

Предрасположенность к синтезу право- и левополушарных когнитивных паттернов в ходе антропогенеза и раннего культурогенеза исторически развивается. Так, правополушарное мышление «идет навстречу» левополушарному в своих хотя бы и минимальных, но действительных вербально-аналитических и символических возможностях. И это свойство, несомненно, возрастает как в филогенетическом ряду антропогенеза, так и в истории культуры.

Итак, болезненная аритмия — выпадение из космо- и биорегуляций, вызванная комплексом органических и психических изменений. Выражается она прежде всего в *сбоях, разрывах и задержках* психического потока, которые выступают **первой предпосылкой смыслогенеза**. Именно они инициируют структурно-функциональное преобразование психики и открывают путь к формированию сознания. Что представляют собой эти задержки? Как уже говорилось, здесь наблюдаются точки протрации, состояния ситуационной выключенности из неразрывности природного психизма, неподверженности природным ритмическим регуляциям или их (регуляций) ослабление.

Это явление и раньше попадало в поле философских интуиций. Так, согласно учению Фихте, ощущения — это задержки в спонтанности Я, остановки в интенциональной деятельности психики. Сами по себе эти задержки абстрактны: они не субстанциональны, не выступают началом чего-либо и не инициируют никаких изменений, имеющих отношение к содержанию сознания. «Спонтанность же, напротив, возвращается в отражении к себе самой и полагает, таким образом, себя как изменяющуюся во времени» [4. С. 25—44]. Фиксация на задержках-ощущениях, каждое из которых, даже будучи, казалось бы, направленным на тот или иной внешний объект, всегда включает в себя и отправную точку стихийной интроспекции.

Не будем отвлекаться на перевод этих рассуждений с философского языка на культурологический. Укажем лишь на то, что такая фиксация разрывает психический поток, изначально неотделимый от континуума внешней реальности. В результате возникает *ритмическое рассогласование*, которое и обусловливает выпадение человека из системы природных ритмических регуляций. Но выпадение это неполное, и диспараллелизм не приводит к полному хаосу, поскольку задержки-ощущения изначально носят не более чем точечный характер, а возникающее при этом травматическое отчуждение затрагивает лишь некоторые из жизненно важных аспектов существования. Однако

именно в этих аспектах и устанавливаются принципиально *новые, надприродные ритмические отношения и регуляции*. Поэтому сбои и задержки выступают также и основой становления человеческой *субъектности/субъективности*.

Иными словами, аритмия и разлад врожденной способности «отзываться» на космо- и биоритмы частично разрушили сетку отбора жизненно важных раздражителей, или, используя термины этологии, *врожденный разрешающий механизм*¹ — сито, через которое просеивается бесчисленное множество сигналов внешнего мира. Этот механизм обеспечивал жесткую фильтрацию сигналов и других воздействующих факторов в соответствии с генетически закрепленными видовыми программами. Вызванные аритмическими сбоями «пробоины в сите» впоследствии, уже после прохождения рубежа смыслогенеза, породили одну из *вечных экзистенциальных проблем человека — необходимость выбора*, ставшую у истоков культуры одной из первых проекций метаоппозиции «я — иное» (сама по себе эта оппозиция естественным образом вписывается в ряд последовательных сепараций, охватывающих все сущее во Вселенной начиная с квантового уровня). *Животные не выбирают* и потому не ошибаются. Как уже говорилось, через «пробоину» поврежденных биокосмических регуляций на предков человека обрушился поток травмирующего информационного шума. Жесткие инстинктивно заданные связи психики с реалиями внешнего мира разладились, и выходом из сложившейся ситуации могло стать лишь переналаживание фильтрующего сита на основе первичных культурных практик, вырабатываемых в процессе смыслогенеза. Так, незнакомая животным необходимость выбора диктуется *разладом инстинктивной связки «сигнал — действие»*. А необходимость адаптации психики к потоку симультанно воспринимаемых сигналов ориентирует ее на постепенную выработку *способности к экзистенциальному отчуждению*. Последнее продуцирует целый комплекс внеприродных когнитивных возможностей: абстрагирование, надситуативную активность, образование семантем вместо животной сигнальности и др.

Таким образом, формирование человеческого сознания оказывается обусловленным *частичным разрывом ВЭС*. Разрыв этот был, повторю, именно частичным, ибо полного психика гоминид просто не перенесла бы. Один из главных аспектов культурной динамики — «расширение пробоин» от точечных сбоев в раннем культурогенезе к максимальному удалению от природных форм ВЭС (современное состояние). А стремление к снятию развивающегося при этом отчуждающего субъект-объектного дуализма — *противонаправленная тенденция, пронизывающая сознание от архаических мифов и эсхатологических учений до философских рефлексий*. В частности, эта тенденция наглядна в хайдеггеровской фундаментальной онтологии раскрытости, где субъект и объект разомкнуты навстречу друг другу.

Частичный разрыв непрерывности психического потока служит отправной точкой «конвертации»² внутреннего асимметричного напряжения психической системы, вызванного МФА, в эксплицитный дуализм смысло-/культурогенетических процессов.

¹ «Отбор раздражителей является составной частью любого поведения животного. В каждый данный момент органы чувств бомбардируются самыми разными формами физической энергии. На эту гамму раздражений животные реагируют избирательно; некоторые изменения энергии влияют на его поведение, другие — нет. Таким образом, очевидно, происходит своего рода отбор среди тех изменений энергии, которые воздействуют на животное» [9. С. 67].

² Здесь и в дальнейшем слово «конвертация» будет использоваться в качестве специального термина. Философы обычно пользуются термином «превращенные формы», но, метафорически отсылая к некоему «волшебству», они уходят даже от намека на прояснение механизмов этого самого «превращения». А именно в нем и заключается главная познавательная интрига.

Травматичность означенных сбоев проявляется в том, что с самого их появления человека неотступно преследует страх психической пустоты. Для архаической (или, с оговорками, современной обыденной) ментальности с ее простым однослойным устройством существуют простейшие способы не оставаться наедине с собой — от практически незначимой и слабоструктурированной болтовни и «забывания головы» любым информационным шумом до неумного «синдрома социальной активности». В качестве материала здесь годится все: главное — увести сознание от фиксации травматических лакун, сквозь которые просачивается глубинная экзистенциальная тревога, восходящая к патологическим дисфункциям правого полушария. Более развитая, внутренне дифференцированная и, следовательно, более самодостаточная ментальность решает эту проблему на путях продуктивного внутреннего диалога, что принципиально недоступно архаическому и обыденному сознанию. Вот почему архаическое сознание, а также типологически с ним сходное современное постоянно занимает себя бессмысленным «психотерапевтическим трепом»: сплетнями, бесконечным обсуждением несущественных мелочей, отупляющим полупогружением в музыкальный или речевой «background» и т. п. Именно бессознательный страх психической пустоты, а вовсе не угроза распада социальности (и вызванная этой угрозой необходимость социализовать свободное время), как полагают сторонники теории гроуминга (Р. Данбар, Н. В. Клягин), понуждает примитивную ментальность ретушировать травматическую дискретность своих психических режимов с помощью внешних квазиконтинуальных регуляций¹.

Если первоначальные сбои и задержки восходят к эволюционному «стыку» природы и культуры, то внутри Культуры они в смягченном виде отмечают границы ее внутрисистемной эволюции и, соответственно, пороги изменения ментальной конституции человека как субъекта этой эволюции. Показателем здесь выступает способность вести нетравматический внутренний диалог, снижающий при этом значение любого рода внешних регулятивов, т. е. достижение внутренне противоречивой, но относительно гармонизованной самодостаточности.

Все сказанное — это еще не о самом смысле. Но это необходимые пролегомены к проблеме его структуры, к проблеме его возникновения, без понимания которых нельзя осмыслить его реальную сущность. Понять, что «смысл есть ворота культурогенеза» и «смысл также есть и последний, т. е. неделимый элемент культуры, ибо именно он устанавливает связь между диспараллельно существующим континуумом реальности и пространством сознания, возникающим вследствие задержек и разрывов психического потока на микроэлементарном уровне» [7. С. 23].

The paper deals with the problem of the genesis of sense as psycho-physiological and cultural-genetic phenomenon. In line of the theoretical and cultural discourse the cognitive modes of initial stages of senses origin which are connected with consequences of birth trauma, fractures universal empathic connection and education failures and delays in the flow of mental activity are researched. Under this perspective, the phenomenon of eidetism and modes of inter-hemispheric functional brain asymmetry analyzes. The main problem — sense as a form of transition between neurophysiological, psychological and cultural levels of reality.

Keywords: discreteness, continuity, sense, consciousness, intentionality, coherence, causality, psyche, evolution.

¹ Если Данбар связывает означенные обстоятельства только с происхождением языка, то Н. В. Клягин выводит из них всю культуру вообще (см. : [3; 11. Р. 92—110; 18. Р. 238—253]).

Литература

1. *Выготский, Л. С.* Эйдетика / Л. С. Выготский // Психология памяти. — М., 2002.
Vygotskij, L. S. Jejdetika / L. S. Vygotskij // Psihologija pamjati. — М., 2002.
2. *Гроф, С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. — М., 1993.
Grof, S. Za predelami mozga: rozhdenie, smert' i transcencencija v psihoterapii / S. Grof. — М., 1993.
3. *Клягин, Н. В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) / Н. В. Клягин. — М., 1996.
Kljagin, N. V. Proishozhdenie civilizacii (social'no-filosofskij aspekt) / N. V. Kljagin. — М., 1996.
4. *Лаут, Р.* Трансцендентальная позиция Мюнхенской школы / Р. Лаут // Общественные науки за рубежом. Сер. 3 : Философия : рефер. журн. — 1992. — № 5/6. — С. 25—44.
Laut, R. Transcendental'naja pozicija Mjunhenskoj shkoly / R. Laut // Obshhestvennye nauki za rubezhom. Ser. 3 : Filosofija : refer. zhurn. — 1992. — № 5/6. — S. 25—44.
5. *Марютина, Т. М.* Введение в психофизиологию / Т. М. Марютина, О. Ю. Ермолаев. — М., 2001.
Marjutina, T. M. Vvedenie v psihofiziologiju / T. M. Marjutina, O. Ju. Ermolaev. — М., 2001.
6. *Нойманн, Э.* Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. — М., 1992.
Nojmann, Je. Proishozhdenie i razvitie soznaniya / Je. Nojmann. — М., 1992.
7. *Пелипенко, А. А.* Рождение смысла / А. А. Пелипенко // Мир психологии. — 2001. — № 2.
Pelipenko, A. A. Rozhdenie smysla / A. A. Pelipenko // Mir psihologii. — 2001. — № 2.
8. *Фреска, Э.* Социальные связи в модуляции физиологии ритуального транса / Э. Фреска, С. Кюльсар // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. — М., 2001.
Freska, Je. Social'nye svjazi v moduljacii fiziologii ritual'nogo transa / Je. Freska, S. Kjul'sar // Lichnost', kul'tura, jetnos. Sovremennaja psihologicheskaja antropologija. — М., 2001.
9. *Хайнд, Р.* Поведение животных / Р. Хайнд. — М., 1975.
Hajnd, R. Povedenie zhivotnyh / R. Hajnd. — М., 1975.
10. *Хомский, Н.* Язык и мышление / Н. Хомский. — М., 1972.
Homskij, N. Jazyk i myshlenie / N. Homskij. — М., 1972.
11. *Dunbar, R. I. M.* Theory of mind and the evolution of language / R. I. M. Dunbar // Approaches to the Evolution of Language. — Cambridge, 1998. — P. 92—110.
12. *Field, T.* Attachment as Psychobiological attunement: being on the Same Wavelength / T. Field // The psychobiology of Attachment and Separation / ed. by V. Reite, T. Field. — N. Y., 1985. — P. 415—454.
13. *Hoffer, M. A.* Relationship as Regulators : A Psychobiologic Perspective on Bereavement / M. A. Hoffer // Psychosomatic Medicine. — 1984. — Vol. 46. — P. 183—197.
14. *Lacan, J.* Ecrits / J. Lacan. — Paris, 1966.
15. Le seminaire de Jacques Lacan. — Paris, 1973—1986.
16. Opioid Activities of Beta-Casomorphins / J. Bowlby [et al.] // Life Science. — 1981. — Vol. 28. — P. 1903—1909.
17. *Rank, O.* Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung fur die Psychoanalyse / O. Rank. — Zürich, 1924.
18. The origin of the human mind // Evolution and the Human Mind. Modularity, Language and Meta-Cognition / ed. by P. Carruthers, A. Chamberlain. — Cambridge, 2000. — P. 238—253.

О. С. Анисимов

Смысл и мышление

В психологии XX в. накопилось много разных мнений и теоретических ориентаций, так или иначе касающихся и «смысла», и «мышления». Смыслы не опираются на «принцип истинности», тогда как в мышлении «принцип истинности» играет ведущую роль и ему подчинено развитие критериальных систем, а высшие критерии предполагают опору на онтологию.

Ключевые слова: смысл, значение, мышление, онтология, понимание, истина.

Тематическое сопоставление «смысла» и «мышления» представляет собой трудную задачу, однако очень интересную и теоретически значимую. В психологии XX в. накопилось много разных мнений и теоретических ориентаций, так или иначе касающихся и смысла, и мышления. И все же можно выделить крупные различительные рамки, дающие различную содержательность того, что стоит за этими словами и теми словами, которые семантически близки ис-